

ДЕВЮ

портрет

“ПИТЕРЦЫ
НЫНЧЕ В ЦЕНЕ”

композитор Юрий Красавин — Газете

Юрий Красавин — личность весьма экстравагантная и популярная в музыкантских кругах. Типичное дитя андеграунда, он вышел из подполья в середине девяностых и стремительно стал набирать известность. Его музыка исполняется все чаще и имеет успех не только в России, но и за ее пределами. Сегодня в Большом театре состоится премьера балета Красавина «Магриттомания», вписанная в вечер одноактных балетов на музыку Пярта и Бернштейна. Накануне события с Юрием Красавиным встретилась корреспондент Газеты Гюляра Садых-заде.

Поздравляю, это прорыв в твоей карьере — постановка балета в Большом... Я думал, последние пятнадцать лет в Большом театре вообще никого не ставили из ныне живущих. Вдруг узнал: ставили балет Жукова к пушкинскому юбилею. Вот сейчас в афише Большого снова живые — я и Пярт. А в будущем сезоне появится опера Лени Десятникова.

И ты, и Леня — питерские композиторы. Это кое о чем говорит? А что? Как в администрации президента — питерцы нынче в цене.

Какова предыстория возникновения этого балета?

Предыстория хитрая. В 1993 году я написал музыку к фильму Юры Борисова «Мне скучно, бес» — такие сюрреалистические композиции Бетховена. Фильм получился, прямо скажем, так себе — не стал событием и на широкий экран не вышел. Но там играл отец Юры, замечательный актер Олег Борисов, это была его последняя роль в кино. А вторую главную роль — Фауста, соблазненного Мефистофелем, — сыграл Юра Посохов. Посохов — человек балетный, он в фильме и танцевал, и играл тоже. Потом уехал в Америку, танцевал в труппе балета Сан-Франциско. И когда ему дали в театре самостоятельную постановку, он вспомнил обо мне и позвонил.

Почему танцовщику доверили ставить балет?

Не вечно же ему танцевать — Посохов уже к сорока приближается и, по-моему, дотанцовывает последний сезон. А в театре Сан-Франциско он уже вторую постановку готовит. Тогда ему Магритт в душу залеп; он решил по мотивам его картин сделать балет. Попросил меня кусочки киношной оркестровой музыки развить до одноактного балета. Ну, я развил. Получился такой сюрреалистический взгляд на Бетховена: Бетховен изломанный, изорванный в клочья. В двухтысячном году в театре St-Francisco Ballett был поставлен.

А тебя позвали в Сан-Франциско на премьеру?

Как же, обязательно. В первый раз выехал за границу. Люди обычно знакомство с заграницей начинают со столиц бывшего соцлагеря: Прага, Варшава... А я сразу в Калифорнию поехал. Ничего такого не ощутил, никакого культурного шока. Оркестр в театре состоял из одних китайцев. Там только один афроамериканец на фаготе играл, и англичанин — на рояле.

И кто дирижировал?

Некто Эмиль Деку, он дирижер сан-францисского театра. Я там посмотрел первые три спектакля. Предполагалось, что балет сразу сойдет со сцены: это был вечер дебютов молодых балетмейстеров, никто ничего особого от них не ждал. Но два балета сошли быстро, а «Магриттомания» шла еще целый сезон. И даже два раза прошла в «Ковент-Гарден».

Балет бессюжетный?

Совершенно бессюжетный, и даже не по конкретным картинам. Там действуют характерные персонажи, «магриттисты» — такие люди в котелках, женщина с завязанным лицом, как с картины «Любовники». В Сан-Франциско ее танцевала потрясающая китаянка. Кто будет танцевать в Большом — не знаю.

В Большом театре ты попал в хорошую компанию: Пярт, Бернштейн...

Да я и в Сан-Франциско попал в неплохую. Был там один известный композитор из Лос-Анджелеса, сильно пьющий. Я, кстати, тогда еще не удивлялся: как-то не типично для Америки. Интересная у него музыка была. А третий балет был постав-

лен на трио Чайковского. Здесь, в Большом, подобралась сильная команда балетмейстеров: Раду Поклитару, Ратманский и Юра Посохов.

Помнится, когда заказали тебе балет, потом были сложности с выплатой гонорара. Просто позвонили из Сан-Франциско и сказали: «Срочно пиши балет, за неделю» и не прислали договора.

Да, договора никакого не было. Американцы заплатили за партитуру тысячу баксов, потом оплатили мне дорогу и жилье в Сан-Франциско. Но я не обижаюсь: я для них был абсолютный кот в мешке, какой-то русский, не известный никому. Продолжения не предполагалось, да я и не ждал от них ничего. А когда оказалось, что балет прошел много раз, возник вопрос об авторских отчислениях с каждого спектакля. В Америке же нет закона об авторских правах! Есть только приватные договоренности — как договоришься, так и будет. И речи нет об авторских процентах со сборов. Они предлагали мне какие-то смешотворные суммы. А я ведь договариваться не умею, в юридических тонкостях не разбираюсь. Напустил на них моего друга Костю Учителя, он в этом деле подкован. Учитель из них выжал по сто пятьдесят баксов за спектакль. А вначале они предлагали пятьдесят.

Возмутительная система! Как же так, авторское право признается во всем мире...

А в Америке — нет. Знаешь, как там интересно? Например, ставят мюзикл на Бродвее. Человек получает символические деньги за первые спектакли. Если мюзикл удержится на сцене и будет идти дальше, плата растет. Но суммы каждый раз определяются по предварительной договоренности.

Да, с американцами нашим людям приходится держать ухо востро.

Так влетел недавно Леня Десятников, когда обговаривал суммы за музыку к спектаклю Камы Гинкаса в Бостоне. Они ему говорили: «У нас сам Филипп Гласс столько получает». А что Гласс? У Гласса музыки много — он человек простодушный, по-честному пишет партитуру, у него симфоний много. Но они все одинаковые — не то чтобы похожи, а просто одна и та же музыка. Так, конечно, можно согласиться получать по двадцать пять долларов за спектакль.

Кто-то из малоизвестных англичан-композиторов сострил, что авторы меряют свои сочинения на минуты. Никто ведь не скажет: «Я написал фортепианную пьесу». Скажут: «Написал пьесу на двенадцать минут». И получают деньги за минуты.

Это раньше так было, при «совке». Платили в кино поминутно. А теперь договор заключают с композитором на определенную сумму, за весь фильм.

Значит, теперь авторам нет смысла растягивать музыку?

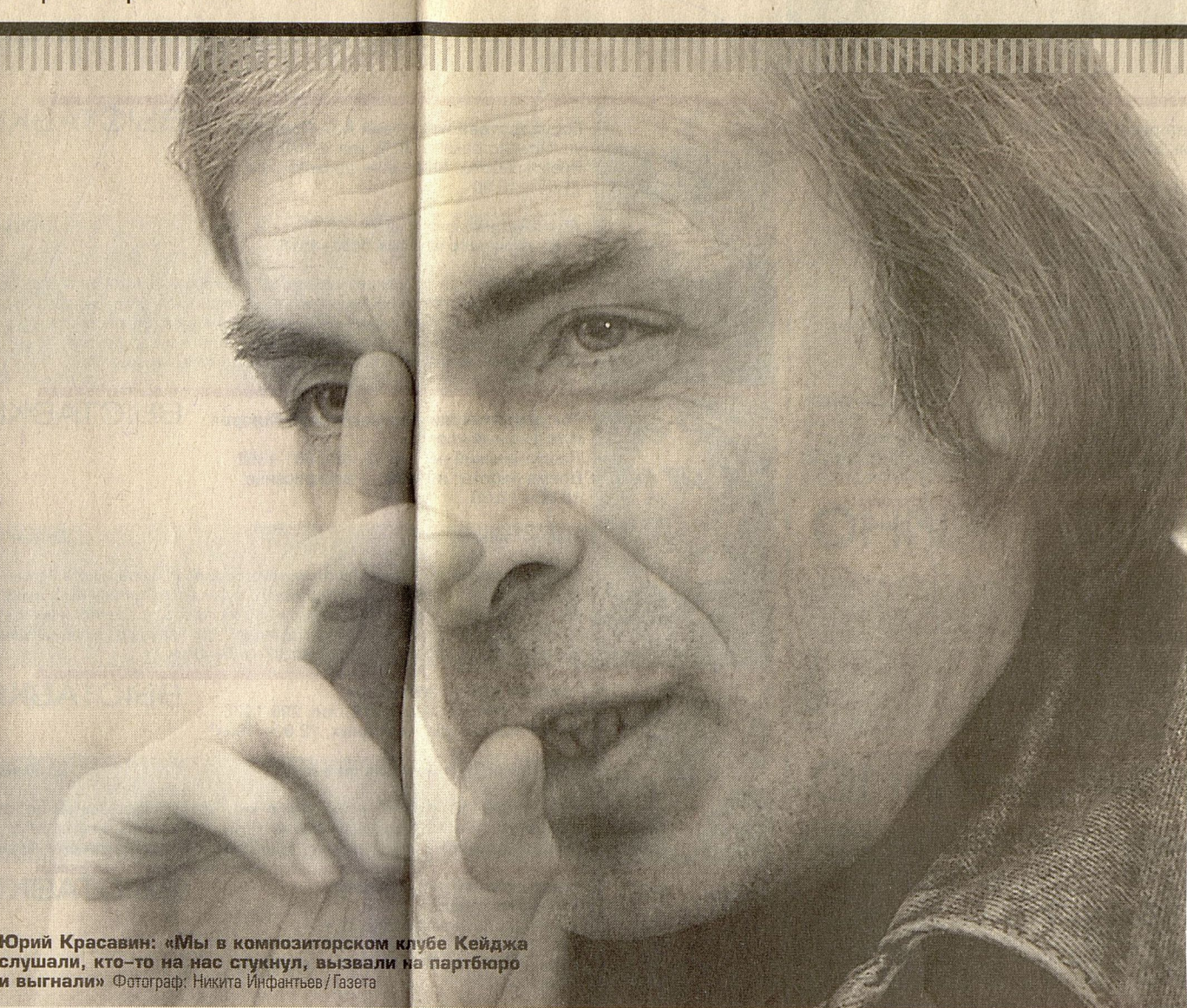
Никакого. Раньше за каждый вариант, каждую вариацию платили отдельно, как за самостоятельный материал. Изменишь ноту, подправишь оркестровку — и готово, получи денежки. А сейчас смысла нет. Недавно я здоровый фильм записал. Он еще не вышел на экраны, выйдет в октябре. Называется «Конвой PQ17». Это про морской конвой, что сопровождал в войну транспортные суда из Исландии в Архангельск. Снял его шикарный парень — Саша Котт, ученик Хотиненко. Он получил кучу международных призов за свою дипломную короткометражку. Все призы, какие есть, похватал.

Сколько у тебя фильмов?

Этот — седьмой. Я в девяностые много имел дела с «левыми» фильмами — такими, которые потом никто не видел. Например, написал музыку к режиссерскому де-

«Принцип современной гармонии заключается в одной фразе: каждый аккорд может быть любым. И за ним может идти любой»

Юрий Красавин — Газете

Юрий Красавин: «Мы в композиторском клубе Кейджа слушали, кто-то на нас стукнул, вызвали на партбюро и выгнали» Фотограф: Никита Инфантьев / Газета

газета

из провинции в Берлин

Юрий Красавин родился в 1953 году в Харькове. Учился в Краснодарском, затем в Ленинградском музыкальном училище имени Римского-Корсакова в классе Галины Уствольской. Окончил Ленинградскую государственную консерваторию в 1986 году (класс Александра Мнацаканяна). Преподавал в детской музыкальной школе в Ленинградской области. В 1999 году удостоен премии Международного конкурса композиторов имени Прокофьева. В том же 1999 году прошла премьера его балета «Магриттомания» в оперном театре Сан-

бюту Бори Невзорова «У кота была собака» — детектив средней паршивости, шел по НТВ раз пять.

Ты до сих пор живешь за Зеленогорском, телефон перманентно отключен, мобильника у тебя нет. Уходишь в отрыв от цивилизации?

Мобильник я не держу принципиально. Не хочу, чтобы меня доставал всякий, кто захочет, где бы я ни был.

Однако деятельность твоя расширяется, соответственно множатся контакты. Как ты намерен их поддерживать?

По телефону домашнему, его вполне достаточно. Сейчас, кстати, я делал еще сериал на НТВ, называется «Преступление в стиле модерн». Документально-игровой детектив, его Лева Лурье ведет. Написал к нему много таперской музыки по типу той, что в до-революционных кинотеатрах под немые фильмы играли.

А еще ты участвуешь в ежегодных «Дельфийских играх», которые устраивает Институт Про Арте...

Да, всегда в них участвовал, но в этом году — нет. Там надо было вокальную музыку писать, а я вокальную не пишу. Но я там был как слушатель: концерты получились исключительно высокого качества. Гриша Корчмар шикарную вещь написал: там такая идея богатая была, абсолютно мартыновско-екимовская (московские композиторы Владимир Мартынов и Виктор Екимовский. — Газета). Пущенный в «ракоходе» (то есть от конца к началу) и переинструментированный «Евгений Онегин» Чайковского. Получается, что и текст в «ракоходе» — и вышла такая национальная тувинская опера, со взлетами, тот же Чайковский, только наоборот. Я очень завидовал, что не мне в голову эта идея пришла.

И кто бы мог подумать, когда тебя отчисляли из консерватории, что когда-нибудь твой балет поставят в Сан-Франциско, потом в Большом...

Так отчисляли всех приличных людей. Бориса Чайковского, Пярта, Тищенко многократно отчисляли, Копытько... Меня отчисляли бесчисленное количество раз. Не все-

гда, правда, отчисление доводилось до конца. А до того меня из училища отчисляли два раза. Так я училище и не закончил.

Еще бы — ты же вообще на лекции не ходил, даже на гармонию...

А зачем на нее ходить? Я все про нее знаю. Знаю, что доминанте предшествует кадансовый квартсекстаккорд — и больше ничего про нее знать не нужно. Белов преподавал нам современную гармонию. Как я понял, принцип современной гармонии заключается в одной фразе: каждый аккорд может быть любым. И за ним может идти любой. И зачем я должен был на это ходить к восьми утра? У нас еще физкультура была на Гражданской улице: в восемь утра, зимой, ехать туда из общежития на Зенитчиков. Мыслимо это?..

Ты лучше расскажи, как тебя отчисляли по политическим мотивам...

Там много всего напластовалось. У нас с Копытько концерт был авторский в ДК Ленсовета. О нем «Голос Америки» объявил. Еще мы в композиторском клубе Кейджа слушали, кто-то на нас стукнул, вызвали на партбюро и выгнали. Меня в армию забрали, Копытько освобождение получил по здоровью и потом восстановился. А я снова поступал на первый курс.

Так ты не попался с той группой, что в синагогу ходила?

А что мне-то в синагоге делать? Но это при мне было. Громкая история была, кровавая. Они потом все уехали; их человек пять было, ходили в синагогу — Новый год, что ли, справлять...

А потом еще ловили тех, кто к Никольскому собору ходил.

Да, кто-то пел там в церковном хоре. Тогда за это гоняли. Я сейчас ездил в Вологду, наткнулся там на декана хорового факультета в училище — он тоже был выгнан из-за этого.

А как тебя в Вологду занесло?

Так я уж четвертый год езу с лекциями: Вологда, Псков, Новгород, Тверь. Читаю о современной музыке, от середины XX века и до наших дней, от Института Про Арте.

Раньше никогда в этих северных городах не был, и мне там очень нравится. Псков — бешеной красоты город, Новгород — тоже роскошный. У нас большой лекционный курс, рассчитанный на несколько лет. Платят прилично, из этого и складывается мой постоянный доход.

Я-то думала, ты сочинением зарабатываешь... Но ты ведь еще в Берлин ездил, на исполнение своего симфонического опуса. В историю там влип, пиджак с гонораром потерял...

Я там успех имел, между прочим, большой. Написал концерт для скрипки и виолончели с оркестром, называется «Семь остановок в Юго-Восточной Азии». Такая ориентальная музыка. Знаешь, у Айвза есть «Three places in New England», у нас переводится как «Три остановки в Новой Англии». Что неправильно: Айвз имел в виду все-таки не остановки, а именно места. А я взял обратный перевод, получился такой музыкальный дневник воображаемого путешественника — по Цейлону, по Таиланду. Я очень этой музыкой увлечен. В этом году собираюсь этот концерт загнать на закупочной комиссии. Играл Ролдугин, и очень неплохо; дирижировал Саша Сладковский, а на скрипке играла Оля Рексрот. Для нее, собственно, и заказывался концерт. Со мной, как всегда, договаривались о гонораре изустно, потом получил половину. А пиджак потом нашли, и деньги в нем оказались целы. Но в Большом дело серьезно повели: разговор сразу начался с договора, мне его по факсу прислали. И там было обговорено даже то, сколько поездок в Москву мне будет оплачено. В первый мой приезд поселили меня в «России», но я попросил, чтобы больше туда не селили — там в номере даже розетки нет, а я по ночам привык чай пить. В «России» после того грандиозного пожара ликвидировали все розетки. Самая большая гостиница в Европе, говорят. Меня там в первый же день садануло током — от крана, я едва кости собрал... Вода не сливалась в унитазе, телефон не работал, ничего не работало! Зато самая большая в Европе. Пока до конца коридора дойдешь, две сигареты выкуришь. И Кремль из окон виден.